

Литературная газета

Орган правления Союза Советских писателей СССР

Под редакцией В. Вагницкого, А. Волотникова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Сельвановского, Я. Сельвинского, М. Сувоикова, М. Сербьянского, М. Чарного, В. Усиевича.

№ 133 (449).

4 Октября 1934 года

Выходит через день

Дневник Литературной газеты

4 Октября

Организация литературного факультета при Московском историко-филологическом институте несомненно имеет большое значение.

До последнего времени специализированные факультеты ни в одном из социально-экономических вузов Москвы не было. Дело подготовки высококвалифицированных литературных кадров по существу было беспризорным. Готовить эти кадры было негде, если не считать вечернего литуниверситета им. Горького, который, конечно, не в состоянии был заменить собой литературный факультет ни по характеру, ни по объему преподавания. Теперь в Москве литературный факультет существует. Что организация его вполне отвечает огромной потребности в глубоком изучении литературы, доказывают не только цифры приема, но и много раз превосходившие нормы, но и самый состав принятых. На факультет пошла не только писательская молодежь, желающая повысить свою литературную культуру, но и артисты, например, академических театров.

План преподавания нового факультета составлен с надлежащей широтой и охватывает изучение основных проблем литературы русской и европейской, а также наиболее важные проблемы лингвистики, связанные теснейшим образом с литературой. Необходимо подчеркнуть, что изучение языка вообще и в особенности изучение языка советской литературы нам сейчас особенно важно. Поскольку генеральной линией развития нашей литературы является социалистический реализм, постольку, естественно, в системе преподавания факультета проблемы реализма вообще и в особенности реализма социалистического должны будут занять центральное место.

Литературный факультет делает свои первые шаги. Важно с самого начала подчеркнуть, что система преподавания в нем должна быть поставлена так, чтобы по окончании факультета из него выходили люди, действительно всесторонне образованные и чтобы этим людям не пришлось затем либо менять профессию, либо радикально переучиваться заново. Состав профессуры, привлеченной к преподаванию на факультете, заключает все лучшие силы, которыми располагает наше литературоведение и искусствоведение. Это, а также огромный общественный интерес, создают вокруг этого важного дела такую атмосферу, которая может ему плодотворно развиваться.

Иностранная литература в последние годы была не в почете у наших читателей. Об этом много писали, и надо полагать, что теперь положение изменится.

Многое в этой области могут и должны сделать наши журналы. Разумеется, первое место по праву здесь принадлежит «Интернациональной литературе», до сих пор не всегда и не во всем сирвавшаяся со своими задачами.

Но некоторые возможности есть и у толстых журналов, деятельность которых в ознакомлении читателя с новинками иностранной литературы до сих пор за редким исключением оставляла желать многого.

Этих редких исключений было во-первых, печатание романов Дос-Пассоса, которым голые журналы занимались буквально наперебой, и во-вторых, практика журнала «Знамя», начавшегося за последнее время ряд переводов наиболее значительных произведений иностранных писателей.

В этом журнале был напечатан Андрей Мальро, Эрнст Хемингуэй, открыли из книги Эгона Эрвина Кима «Тайственный Китай», рассказы Андреса Смэди, рассказы японского писателя Куросуи Дэнши, роман Э. М. Ремарка «Возвращение» и ряд других не менее интересных вещей, о которых наш читатель много слышал и знакомство с которыми, если бы не работа «Знамени», так бы и осталось для него знакомством по наслышке.

Опыт «Знамени» должен быть учтен нашими журнальными «деятелями». Интерес советского читателя к иностранной литературе еще увеличился после с'езда. Имена иностранных гостей, выступавших с трибуны с'езда, должны стать близкими нашему читателю не только в связи с их выступлениями, но и благодаря книгам, которые они написали. Время перестроить свою работу в этом направлении для толстых журналов уже настало. Что же касается места, то о нем вряд ли приходится говорить. Пусть похитнутся романы, даво вышедшие отдельными книжками и тем не менее продолжающие в журналах увлекать читателя замечательной привлекательностью «продолжение следует», пусть подвинутся сырые и недоработанные повести, с которыми в редакции перед их печатанием еще надлежит провести большую работу. И тогда места для наших иностранных друзей, уже заявивших на с'езде о своем желании с нами работать и уже работающих с нами в своих книгах, места для печатания этих книг хватит с избытком.

Первый в истории

Отклики иностранной печати на с'езд писателей

Основное, что поразило иностранных наблюдателей, излагающих ныне свои впечатления от первого с'езда советских писателей, — это мощный расцвет культуры, расцвет литературы, для которого созданы все условия в стране победившего социализма. Сбежавший из «фашистского рая» немецкий писатель Балдер Ольден, бывший участником с'езда, пишет в «Нойе Вальтоне»:

Никогда еще ни в одном государстве художественная литература не занимала такого места, как то, которое она занимает в СССР.

В честь с'езда писателей было издано 6 миллионов экземпляров книг советских писателей. Эти книги были распространены по всей стране. Ответы о с'езде занимают главное место во всех газетах вплоть до самой последней деревенской газеты.

О том же говорит в специальной статье, посвященной с'езду писателей, чехо-словацкий «Прагер Пресс»:

Никогда еще в России не печаталось, не читалось и не ставилось на сцене столько своих и иностранных классиков. Все круги захватили жажда серьезного образования, овладения классическим наследием полноценного искусства. Идеология и искусство, желание и умение, убеждение и мастерство — этот ключ разделяет сегодня во владениях советской литературы.

«Юманите» в обширной статье, посвященной «Свободная литература для свободного народа», пишет:

Никогда со времени наиболее великих эпох человечества поэзия не занимала такого выдающегося положения.

Даже консервативный лондонский «Спенатор», опубликовавший впечатление присутствовавшей на с'езде писательницы Вильям Эллис пишет:

Вероятно ни один литературный конгресс не работал более обстоятельно или в более радостной обстановке.

Цитированный уже Балдер Ольден с восхищением отмечает то внимание, которым окружены молодые писатели в СССР.

Зарождающиеся таланты отыскиваются, как нефтяные источники, их бурят и лелеют, как престолонаследников.

Естественный вывод, который делает популярный журналист Пьер Парф в парижской «Републик»:

Безусловно верно, что революция, подобная русской революции, открывает величайшие возможности перед писателями, заменяя им землю. Материальные интересы перестают быть верховным двигателем, любовь может подышать над мелкой ревностью, очистить и расширить ее, и неожиданно появляется это миллионов ковых читателей.

Понятно, что сравнимая положение культуры и искусства в Советском союзе с положением их на капиталистическом Западе, зарубежных газетах, осмелившиеся на столь рискованный параллель, впадают в черную меланхолию. Румынская «Алеверу» пишет:

Было бы желательно задуматься над итогами с'езда писателей в Москве в связи с дезориентацией и банкротством художественно-творческой деятельности в рядах нашего молодого писательского поколения.

Румынская же «Курентула», охарактеризовав положение писателя в Советском союзе, продолжает:

Иначе обстоит дело в Румынии. Здесь мастера искусства умирают на чердаках, и в лучшем случае их почитают после смерти узкий круг профессионалов-эстетов.

Огромное впечатление на присутствовавших на с'езде иностранных писателей произвели читательские делегации, приветствовавшие «наездников душ» и предельно свои требования. Вообще беспримерная в истории мировой литературы близость читателя к писателю поразила иностранных гостей и неизменно фигурирует в их высказываниях о с'езде. Та же английская писательница Вильям Эллис заявляет:

Что было непозоворимо на другом с'езде — это перерывы в его работе, когда перед нами появлялись не кто иной, как читатель.

«Вальтоне» напечатала большую статью Вайскоффа который пишет:

Это был с'езд, не имевший себе подобного. Огромная страна показала ему свою любовь. День за днем сотни людей ожидали перед зданиями, где происходил с'езд, надеясь, не освободится ли пара мест на трибуне. От «Правды» до газет колхоза «Кизил Оврат» на Алтае вся пресса уделяла целые полосы отчетам о с'езде.

Это был с'езд, не имевший себе подобного. Предприятия и колхозы, железнодорожники и рабочие метро, командиры морских и групп пионеров прислали на с'езд делегации с подарками и поздравлениями. Вся страна чувствовала: этот с'езд — это не литературный парад, литература здесь не предмет роскоши, это общественное дело. Литератор — важный член общества.

Об этом же говорит участница с'езда Вильям Эллис на страницах «Манчестер Гардиан»:

Делегаты, представлявшие различные слои советской общественности — углекопы, железнодорожники, крестьяне, красноармейцы, моряки и другие — пришли на с'езд чтобы заявить о своих литературных требованиях.

В не меньшей степени поразила иностранных наблюдателей много-

национальность состава делегатов, отражающая характер советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Женевская «Травей» пишет:

Этот важный с'езд собрал представителей всех народов составивших в целом огромную советскую республику. Многие области национальных меньшинств находились вплоть до революции в состоянии нужды и невежества. Парский режим был для национальных меньшинств Кавказа, Украины, Сибири, Туркмении, Поволжья холодной тюрьмой без воздуха и солнца.

На московском с'езде были представлены делегаты полных рабочих и крестьянских масс всех частей огромной страны, а вместе с ними зарубежные писатели с такими именами, как Жан-Ришар Блок и Андерсен-Нексе.

И даже лондонский «Таймс» в статье «Литература под властью Советов» сообщает:

Писатели Татарии, Узбекистана, Таджикистана, Армении, Грузии и т. д. выражали свою глубокую благодарность за прием, оказанный им в Москве, за помощь в их литературной работе. Они обещали посвятить свое перо делу процветания советского строя.

Особенно отмечает «Прагер Пресс» борьбу за качество, явившуюся сегодня знаменем советских писателей.

Борьба за качество, под знаком которой живет сегодня Советский союз, — констатирует статья, — принесла пользу и литературе... Сердце сегодняшнего советского писателя полностью охвачено стремлением к глубокому изучению ремесла, подражанию классикам, стремлением добиться глубины и затем уже — количества, добросовестно работать над произведением и над самим собой.

Во многих статьях и корреспонденциях очевидно отмечается то огромное уважение, та беспримерная любовь, которыми окружен Максим Горький в стране Советов. Балдер Ольден пишет:

Его произведение отпечатаны в России в 19 миллионов экземпляров. Ни один из писателей с мировым именем не пользовался такой славой и таким почетом. Так глубоко не проникли в массы ни Гете, ни Толстой, ни Диккенс, ибо никогда еще ни в одной стране литературе не было отведено такого места, как в СССР.

Так обильны и многообразны отклики зарубежной печати на первый с'езд советских писателей. Если прибавить, что можно цитированных здесь с'езде посвятивших статьи также «Эр нувель», «Пти матен» и множество других газет и журналов, то покажется весьма обособленным выводом Женевской «Травей»:

Все печать говорила о с'езде советских писателей, закончившемся на этих днях. Его отзвук перекинулся за советские границы и заинтересовал всех тех, кому не чуждо литературное движение.

Но здесь еще не вся правда, так как газета беспрерывно преувеличивает резонанс с'езда на Западе. Им глубоко заинтересовались все те, кому дорого будущее культуры, будущее человечества. А таких становится все больше и больше в любой капиталистической стране.

Только что получены из Ленинграда сигнальные экземпляры двух очередных томов полного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина.

Том 3-й содержит два основных сатирических цикла Щедрина 60-х годов «САТИРЫ В ПРОЗЕ» и «НЕВИДНЫЕ РАСНАЗЫ». В приложениях опубликованы варианты этих произведений, имеющие самостоятельный интерес и не входившие ранее ни в одно собрание сочинений сатирика, а именно: «1. Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека. 2. Хорошие люди. 3. Еще скрижет зубной». Общая редакция тома принадлежит т. М. М. Эссен, вступительная статья («От «Губернских Очерков» к «Сатирам в прозе») написана т. А. Лаврецием, комментарий составлен т. А. Бескиным.

Том 9-й содержит знаменитые сатиры «ПОМЛАДУРЫ И ПОМЛАДУРЫШИ» и «ИСТОРИЮ ОДНОГО ГОРОДА». Редакция, вступительная статья («Губернаторская и царская Россия в сатирах Щедрина») и комментарий к тому принадлежат т. Б. И. Гореву. Редакторами текста обоих томов являются тт. К. Халабаев и Б. Зихенбаум.

Находятся в производстве и выйдут в свет через полтора-два месяца ЕЩЕ ДВА ТОМА. Том 7-й включает в себя циклы «ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ» и «ПИСЬМА О ПРОВИНЦИИ», а также отдельные произведения конца 60-х годов, не входившие в предыдущие собрания сочинений (очерки «Годовщина» и «Добрый душ», рассказы «Испорченные дети» и сатирический фельетон «Похвала легкомыслию»). Том выходит

со вступительной статьей т. Н. Л. Мещеряков («Русская демократия и Щедрин») и комментарием т. А. Лаврецием. Том 17-й содержит «Помехонскую старину». Вступительная статья («Памятник крепостничеству») написана т. М. М. Эссен, комментарий т. Е. М. Макаровой.

К 17-й годовщине Октябрьской революции в издательстве «Academia» выходит художественное издание «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» (большого формата) с иллюстрациями художника А. Самохвалова (автопортрет). Вступительная статья написана т. Я. Эльсбергом, редактор текста т. С. Макашиным. Несколько позднее в этом же издательстве выйдет второе издание «История одного города» научно-академического типа с публикацией вариантов и разночтений рукописного и печатного текстов. Вступительная статья, комментарий, критика текста принадлежит Я. Эльсбергу и С. Макашиным.

В серии «Библиотека журнала «Литературное Наследство» подготавливается и выпуск книжка С. Макашиным «САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН ПО ДОКУМЕНТАМ III ОТДЕЛЕНИЯ». Основное содержание книжки составляет публикация материалов о Щедрина, сохранившихся в архивах III отделения и департамента полиции.

Кроме публикации документов, в книге печатается подробное описание обнаруженной в архиве III отделения «коллекции» подпольных изданий произведений Щедрина, запрещенных в свое время царской цензурой.

РЕШЕНИЯ С'ЕЗДА — В М А С С Ы

ВЕЧЕР В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

2 октября в Колонном зале Дворца труда состоялся литературный вечер, посвященный итогам первого всесоюзного с'езда советских писателей.

Выступивший с докладом тов. Ставский рассказал собравшимся на вечер литературникам и профсоюзным работникам об основных вопросах, разрабатывавшихся на с'езде, и о тех мероприятиях, которые намечаются правлением Союза по развитию и укреплению массового литературного движения. Заключается выработка программ для литературных кружков. Обсуждаются в один журнал «Литучеба» и «Рост». Производятся обследование работы с писательскими колониями на Урале, в Сталинграде, Бaku и других городах и областях.

— Мы думаем изменить, — заявил далее докладчик, — и формы работы литературных кружков: перебить их на положение авторских коллективов. Например: завод «Серп и молот» основал производство высококоротной стали. Почему бы кружку не написать книгу о том, как и кто

освоил это производство, покажет лучших ударников этого дела?

В прениях выступило много литературников и профсоюзных работников. Итергерым было выступление т. Кронберга (завод «Шарикополитник»), рассказавшего о большой работе, которую проделал заводской литературный кружок во время с'езда и после него. «Проработка решений с'езда связана у нас с творческой работой», — сказал т. Кронберг. — Проработать доклад Горького, мы занялись сбором фольклорных материалов. На заводе мы выявили много талантливых рассказчиков и песенников. Скоро в заводском клубе организован вечер фольклора.

Тов. Галов (Краснопресненское трамвайное депо), согласился с предложениями докладчика т. Ставского, внес предложение «как можно чаще» собирать молодых писателей.

Литературники Филатов и Ицмелев прочли свои стихи, тепло встретились с аудиторией. С большим успехом прошли выступления писателя А. Серафимовича и поэта М. Голованова.

ПАРТИЙНЫЙ АКТИВ В ЭРИВАНИ

ЭРИВАНЬ (наш корресп.). В Эривани, в зале Госоперы, состоялся вечер встречи писателей Армении — делегатов первого всесоюзного с'езда советских писателей — с партийно-профессиональным и комсомольским активом Эривани.

На вечере председательствовал секретарь Эриванского комитета КП(б) А. Т. Анесоглян, присутствовали зав. отд. культуры и пропаганды ленинизма ЦК КП(б) А. т. Я. Арисия и зам. пред. СНК Армении т. Али-Мамедов.

С обширным докладом об итогах первого всесоюзного с'езда советских писателей выступил пред. союза советских писателей Армении т. Др.

Симонян. О своих впечатлениях о с'езде рассказали писатели Азазая, Д. Лемпичан, Ст. Зорьян, В. Тотовенц, А. Вштуни, А. Мкртычян, Н. Зарян.

НА САХАЛИНЕ

АЛЕКСАНДРОВСКИ НА САХАЛИНЕ. Материалы всесоюзного с'езда писателей с большим интересом изучаются на Сахалине. Впервые здесь организована бригада писателей. К десятилетнему юбилею Сахалинской бригады напишет книгу художественных очерков и рассказов о людях острова (РОСТА).

ДОМОСТРОЙ

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

Несложна премудрость фашистской культуры по женскому вопросу. «Войдя» в Нюрнберге формулировал эту премудрость в таких четких красочных выражениях, что вылез восторг всех попов и бюстителей «Женского очага»: «Так называемая женская эмансипация выдвигает еврейским интеллект и носит все поочередные следы своего изобретения. Истинная германская женщина в славные времена нашей истории не нуждалась в эмансипации. Мир женщины — это ее муж, ее семья, ее дети, ее очаг. Наша женская программа истерически одним пунктом: рожать детей. Каждая ребенок, которого женщина производит на свет боится, — это сравнение, которое она выиграла за лучшее будущее германского народа».

Верховная пифия истинно теотондой культуры Альфред Розенберг в своей книге «Миф XX в.» изрекает, что «эмансипированная женщина была символом политического и культурного декаданса мрачных 1913 — 1933 гг. Веймарской республики». Все нацистские идеологи на один лад говорят: Ницше, что женщина — это «отдохновение война», а так как война в «третьей империи» много, то «истинной теотонке» в системе фашистского государства отведена почетная роль быть «отдохновением войны».

Эта квинтэссенция мракобесия и беспартийная стала официальной догмой германского нацизма в женском вопросе.

лишена интеллектуальных черт эмансипированной женщины! Есть от чего прийти в восторг современным варварам, тоскующим по чудным временам римских историков Тацита и Марциала, когда теотонки лихо дрались с римлянами, а женщины равные с волами впрягались в «домашнее хозяйство»!

Фашистское варварство справилось с первой частью своей женской программы: вернуть женщину очагу и мужу. Безработные женщины даже не регистрируются на бирже труда, так как их законное место только в очереди за кидо картофеля и на кухне. Но не всех женщин удалось вернуть «очагу и мужу»; наци выявлял за осуществление второй части своей женской программы: создать «отдохновение для война». Благо это легко сделать, так как сотни тысяч женщин выброшены с производства. Мы не знаем, сколько несчастных женщин обслуживало «отдых война» на многотысячном с'езде в Нюрнберге, но план насажения домов термистов в «третьей империи» действительно расчитан на миллионную армию.

От редакции «Франкфуртер Цейтунг» из Берлина: «Франкфуртер Цейтунг» по плану насажения домов термистов в «третьей империи» действительно расчитан на миллионную армию.

Крупные города Гамбург, Бремен, Любек, Кельн, Франкфурт на Майне, Эссен, Дюссельдорф и другие уже «составлены» восстановлением этого мрачного пережитка беспартия и скотского порабощения женщины. Официальный орган германской полиции «Ди полиция» дает подробное описание прав этой «профессии». За пять марок полиция выдает каждой проститутке свидетельство о политической благонадежности и о праве беспрепятственно заниматься своей «профессией». Одно от другого, по мнению германской полиции, несовместимо. Затем им отводятся несколько улиц в каждом городском полицейском районе; проститутки могут заниматься своей профессией в одиночку или жить в «дома». Десятый пункт полицейского распоряжения, этого замечательного памятника воскрешенного средневековья, предписывает местным органам всемерно заботиться, чтобы женщины были предоставлены нормальные условия для «профессии».

Местные власти с похвальным усердием заняты за насажение «отдыха» для фашистских воинов. Датская газета «Политикен», не подверженная цензуре унифицированной печати «третьей империи», так рисует неуклюжее проведение в жизнь 9-го пункта полицейского распоряжения: «В крупных германских центрах для контролируемых государством домов термистов отведены улицы в наиболее населенных частях города. Как будто нарочно выбраны те кварталы, где сотни детей играют на улице. Многие семьи бедняков, выбравшие из своих дач на улице, подымают протест против этого дикого нарушения их элементарных прав. Матерям трудно понять, почему это государство заботится об установлении вани, парового отопления, газовой плит, веселых электрических реклам для официальных проститутки, в то время как их дети рядом умирают от голода, вони и ужасающей нищеты».

Естественно, что этот гвалт к средневековью не мог не вызвать вярва возмущения даже в наших женских кругах. Выразителем этого широкого движения против поощрения государственной проституции выступила София Ротге-Бернер. Не решаясь прямо атаковать нацистское руководство (пример 30 июня еще свеж в памяти «критиканов» и «заполыхателей»), она выражает сомнение в совместности покровительствуемой властями проституции с заботами о «чистоте расы и оздоровления народной души». «До тех пор, — пишет Ротге-Бернер, — пока государство нуждается в публичных домах и оказывает им помощь, производство здорового арийского потомства является утопией».

В «сверхх» фрау Ротге-Бернер заподозрена в неарийском происхождении и в почти явной склонности к злопыхательству, но как это может контролировать теотонка сомневаться в кровном родстве «расовой культуры» с открытой проституцией!

Фашистская «третья империя» создает свой «новый» культ женщины. Это возрождение самых мрачных страниц средневекового быта, повторение самых элементарных человеческих прав женщины, извездение ее в тихом семейном очаге и в шумном публичном доме до роли домашнего животного, как во времена старинной теотонской «непосредственности», — ничто лучше не характеризует нацистский режим и «философия» Розенберга!

В. БРАУН

КАПЛЯ В МОРЕ

Рис. худ. Евгана

«Детская книга прочно вошла в обиход каждого советского ребенка. Вот повесть Гайдара «Школа» вышла в 97.000 экземпляров, его же «Дальние страны» — в 135.000 экз., «Братики» Варто — в 290.000 экз., «Почта» Маршак в 400.000 экз., «Мойдодыр» — в 400.000 экз. Вы спросите: можно ли увеличить эти цифры в десять и все же не удвоить? Ответ бы спорен. Спор об этом так неуютен, что, сколько ни печатай детских книг, все равно будет казаться, будто их не существует в природе» (из газет).

Зашифрованный классик

В 1834 г., работая над романом «Красное и белое» в Чивитта-Веккья, Стендал обнаружил, что в ящике его письменного стола, который был заперт, кто-то рылся. Рукопись романа носила запах пребывания в чужих руках. И тогда французский консул Бейль создал шифр, слишком сложный даже для полицейских агентов австрийского правительства. А затем подобрал ключ к шифру, которым зашифровал роман, оставшийся незаключенным, но этот ключ Бейль выложил по рассеянности в конверт, в котором пересылал во французское министерство иностранных дел просьбу о переводе в другой итальянский город. Восстановить ключ он не мог и не мог прочесть зашифрованной части романа, но ключ сохранился в министерстве. И почти через 100 лет «Красное и белое» удалось расшифровать.

Трудно найти более эффектный символ творчества и жизни Стендала. Ибо подлинно и облик Стендала и его творчество судьбе угодно было зашифровать, а читателя и исследователя поставить перед трудной задачей: найти ключ к писателю и человеку Стендалу.

Ссылка на судьбу — дань фразеологии. Роль судьбы взял в одном случае сам Стендал, зашифровав человеческий образ Апри Бейля. Те же функции в отношении писателя Стендала выполнял читатель, современник автора «Парижской чертози». И когда исследователи сталкивались с двойной проблемой — интерпретировать ускользающего и многоликого Бейля в образ Стендала-человека и объяснить выпадение Стендала из литературы в течение всей жизни писателя и десятилетия после его смерти, — трудности встают для исследователя очень большие.

За гробом Апри Бейля шли трое, только три человека; один из них — Мерме, тупишнейший к Стендалу с первой встречи и связанный с ним многолетней суровой и страшной дружбой до последних дней его жизни. Газеты кратко отметили смерть некоего немского поэта Фридриха Стендала. Выпадение из литературы было полным, не менее полным было и забвение после похорон на кладбище Монпарнас. Эпоха прошла мимо десятка книг, написанных этим военным комиссаром Наполеона, ушедшим при Бурбонах на консульскую службу в итальянский городок. Помощник не вспоминал о нем, и несколько десятилетий прошло до того дня, когда исследователи «открыли» в многоликом Бейле французского классика Стендала.

Отношение к карбонариям наиболее отчетливо обнажает социальный облик Апри Бейля и тем самым воспроизводит предвзятость неприятия эпохой Стендала. Апри Бейль любил общаться с представителями городских «элит»: Апри Бейль под защитой паспорта инженера Висмарра ездил по городам Италии, вступая в связь с карбонарскими группами, и этот инженер Висмарра писал под псевдонимом барона Стендала книги, запрещенные австрийской полицией, а затем, как опасный преступник, был приговорен к смерти венским судом: Апри Бейль подержал в тюрьме: Коффаполиери, вождь карбонариев. Но Апри Бейль был «исследователем человеческого характера», — так он ответил или мог ответить на вопрос о том, какова в сущности его должность. И привычки были у него буржуазные, а посетители салонов Метильды Висконти, графини Траверси, и-м Антони, графини Корваль, герцогини Бродли, встречавшие там Бейля, не без основания могли считать его артистом, если судили о его происхождении по манерам и светским связям. Апри Бейль знал, что у дворянства его эпохи нет будущего, знал, что попытки первого сословия удержать политическую власть — судороги агонизирующего класса, но эстетические вкусы похлели его к труднейшей работе над

рукописями средневековых итальянских хроник, дававших ему наслаждение «стихом» — как сказали бы мы сейчас — итальянской поэзии.

Апри Бейль остро анализировал социальный состав руководителей итальянской революции, предавших рабочих Парижа на другой день после падения Барба, он пытался даже не умеренно к торговому дому Луи-Филиппа и Ко, но он был не на Барбакалах, а около баррикады. Прав М. Горький, называвший Стендала «первым литератором, который почти на другой день после победы буржуазии начал проникать в и ярко изображать признаки неизбежности внутреннего социального разложения буржуазии и ее тупоумной близорукости». Но что это значит? Это значит, что у Стендала в его эпоху и в ближайшие десятилетия после его

Смерть не было среди буржуазии читателей. Ибо модала буржуазия, взявшая в свои руки политическую власть, не могла перевернуть Стендала право говорить о ее имени о неизбежности ее распада, а та социальная группа внутри третьего сословия, которая носит название «мелкой буржуазии», еще не отменялась от торгового дома Луи-Филиппа, еще не окрепла, дабы выполнять свои «либеральные функции» и претензии на власть. Она «спиритизировалась в матке будущего», как сказал один английский поэт по другому поводу, и читателя тоже так не могла. Да и связь Апри Бейля с этой группой, обманчивой в его эпоху выиграв на политическую арену, более чем проблематична. Тем менее можно считать, что через Фридриха Стендала заявила о своем праве на существование Жюльетта Сорели — крестьянка Франции, выдвигавшая этого честолюбивого молодого человека, которого постигла печальная участь. Идеологом крестьянства Стендал не был, он был адвокат Сорели перед судом буржуазии, но Сорели не были и не могли быть его читателями. Ни кто из них не прочел «Красное и белое» — лучшей зашифрованной речи, когда-либо написанной в защиту юности из «низов», нарушившего не, которые статьи уголовного кодекса в борьбе за место под солнцем.

Но ни с одной из этих групп Бейлю не было по пути до конца: буржуа по воспитанию и привычкам, связавший некогда свою судьбу с Наполеоном, который открыл третьему сословию пути, Бейль не принимал буржуазии даже и тогда, когда представители ее провозглашали себя революционерами. На его глазах эта революционность быстро лизала, когда открывался простор хищническим инстинктам разбогатевших мешан. Их юнкерская победа не была победой Бейля. Не стал бы и триумф карбонаризма его триумфом, ибо волею итальянских «утолишков» считали, что завоевали крест — религия — уделит итальянский народ на баррикадах. Ученик Гельвеция мог быть только «идеальным скептиком», но современному его выражению, карбонаризм, но этот «идеальный скептик» не пошел за Бабефом и Буона-

ротти. Человек исключительной энергии, писатель, которого герои итальянских хроник пленяли прекрасной пеленостью своей волевой природой, писатель, который умел любоваться активностью героев в своих собственных книгах, не пошел за теми, чьи духовные сыны строили коммунистический первый год.

Он был человеком огромной внутренней честности и знал, что мир раскололся надвое. И он знал, что тринадцатого пропущая отделила графов Коффаполиери и Порро от рядового члена ветры, разволеив свой виноградник на равнинах Пьемонта, и маркиза де Ларайста — от рабочего сервой мануфактуры. Он знал то, что было неизвестно «сегодняшнему дню» его эпохи.

Эта трещина помешала ему идти в ногу с «застрявшим» делом человечества, который он видел ясней, чем его современники. Социальное сознание Фридриха Стендала принадлежало двум эпохам: своему времени и застрявшему дню. Определенная черта его духовного облика — исключительная по своему напряжению эмоциональность и не менее исключительная своей точностью и логикой беспощадностью аналитический ум. Этому человеку с расколотым социальным сознанием, надежным сверхчеловеческой способностью к систематизации ощущений, воля к жизни помогла удержаться от душевного надлома. Такой надлом постигнет не раз выжидавший эпохи: художников, говорящих об имени «застрявшего дня».

Один единственный раз воля изменила Стендалу, и не приятный эпохой художник опутил свою социальную позорность и беспредельность своей мятущейся жизни. И тогда достаточно было незначительного повода, чтобы этот волевой человек ослабел, почувствовал безмерную скудость и одиночество. Самоубийство не состоялось: постойте да осечку, и воля к жизни отвела от гряды Бейля второй выстрел. На пути его дальнейшей жизни эта воля и ненастная жалость писателя к яслям и человеческим характерам зашифрала Стендала от его трагической судьбы. От — от назрела, которую его образ отсутствующий читатель, — Стендал всю свою жизнь занимался ее одним средством. Это средство — трагедия, ирония, изощренная маскировка. Многими десятилетиями псевдонимы прикрывался Стендал, прибегая к ним и в личной переписке. Этот протез не позволял избежать ссылок на его ступору осторожности, вызванную опасениями политических репрессий. Как бы мало он ни хотел попасть в застенки австрийской политической разведки, но очень часто маскировка, к которой он прибегал, не обуславливалась даже крайней трусостью. Стендал к тому же трусом не был (вспомним его походы) и маньер преследования не страдал. Препятствия его протеза значительно глубже, и складываются они на основе тех данных, которые характерны для сознания Стендала, сказавшего как-то, что он жлет произведения интереса к своим произведением в 1880 г. Постоянная маскировка, полагая Бейля в нескольких десятках обличий, часто ничем, казалось бы, не мотивированное, обусловлено в основном тем обстоятельством, что у писателя Стендала не было читателя. Он это знал, знал слишком хорошо свою обреченность выжить из эпохи и игры в переделывание он занимался от надлома. Мистифицирование Стендала, если в него вдуматься, обнаруживает сознание им пещальной истины, что на своей эпохе не нужен. И в протезе он нашел острое раздельное средство, необходимое ему для того, чтобы об этой истине не встала память. Ибо помнить это постоянно было не по силам даже для такого человека, как Стендал.

«Мое поколение» — книга о тридцатилетнем. О среднем командном составе социалистической стройки. О молодых инженерах, секретарях райкомов, директоров заводов. О старых комсомольцах, имеющих уже право на воспоминания. О тех, кто среди суровых забот и дед, обремененный большим доверием и еще большей ответственностью, сохраняет молодой горячий задор комсомола.

Бороче, это книга о молодом человеке нашего советского XX в.

Недавно промелькнула в печати поразительная статистика: из 170 млн. населения Союза родились в 1917 г. «не звание городское», составляют половину. А вместе с теми, кто в октябре только начинал сознательную жизнь, у кого тогда только начался голос и уловато торчал лопатки, вместе с тогдашними пятнадцатилетними — 140 миллионов! Восемьдесят процентов. Поколение революции — это уже почти весь народ.

Когда читаешь книгу Бориса Горбатова, смысл этих простых и удивительных цифр расширяется с новой силой.

«Мое поколение» — книга биографическая. Герои передали, но не выжили, с портретной точностью. Следовательно, это «мемуары». Да, наши тридцатилетние уже имеют право на воспоминания.

Время действия книги — первое пятилетие революции, гражданская война, самое начало восстановительного периода. Могут сосчитать: актуально ли это сейчас? Но достаточно развернуть вчерашний или сегодняшний номер «Комсомольской правды», чтобы ответить на этот вопрос утвердительно. Комсомол наших дней не бесконечно более высокой основе, но огромный опыт многих лет реконструктивного периода, прошедший огромную политическую школу, продолжает обсуждать те же вопросы, которые волновали героев Горбатова, читателей удачной комсомольской «Коммуны номер раз» первых лет века: чуждость к товарищам, профессиональное самовосприятие, культурность, большевистская простота, преодоление бесцветной мечтательности, здоровый романтизм великих строительных будней.

Герои «Моего поколения», как впрочем, прыгают по земле, взрытой пушками гражданской войны. Они — школьники, но они не Кости Рабцевича. Коста Рабцевич — москвич, испытывавший в годы неустойчивости, в том числе школьную разруху, но ему далеко до страшного опыта, проделанного его сверстниками в уездной школе Украины. Интенантер детсада из здесь были настоящие герои войны: самоотверженный штык, тесак, «Мудрено ли, что мы знали и понимали оружие так же, как теплые детские автомобильные марши».

Робота молодца, по-взрослому, стоит у стола, на котором находится труп

рабочего-большевика, отца их товарища, и чувство классового ненависти зрел у них, детей рабочих, ремесленной бедноты, исповедов. Оно доходит до драмы с бойкостью, оно приходит с ними вместе в школу.

Школа, уездная советская школа конца гражданской войны, играет в книге Горбатова выдающуюся роль. Здесь в шум и гаме своеобразного, немного комичного «школьного партизанства» формируются характеры людей «Моего поколения», в частности основного героя повести — Алексея Гайлаша.

Есть, впрочем, в книге и другая линия — заводская. В эту заводскую колесо попадает второй основной персонаж — Павел Гайман.

Надо прямо сказать, что эта флегма мало удалась автору. Она скучна, трагедия. Неполноценно и вся картина местного заводника, первого отага хозяйственного восстановления. Автор отводит Павлуку определенное второстепенное место, как и той среде, где формирование комсомольцев протекало в наиболее простых и здоровых формах. Горбатов, главным образом, сосредоточивается на путаной карьере Алексея — школьника, курьера, безработного, дружка.

В этом смысле Горбатов пошел по линии наибольшего сопротивления, проявив своего героя через трудный перелом безработных первых лет века, через полустрашные сомнения и разочарования, через поиски работы у хозяйчиков и крепких мужиков. Хулиганство Алексея — форма индивидуального протеста против непопулярных внешних проявлений напав. Замкнутость, болезненное неприятие себя, боязнь ответственности за разнузданность, неуказаний «сроман» с Тасей — все это нагромождает сам Алексей Гайлаша на пути в комсомол, куда ему, сыну рабочего, так естественно было бы попасть. Целительная педагогика жизни, великий ветер революции приводит его в конце концов к комсомольскому берегу.

В большой галерее комсомольцев, созданных Горбатовым, каждый имеет свои слабости, чудачества, каждому доводится пережить через трудности, колебания, но каждый своим путем приходит на верную дорогу.

Вот Семик, курьер, «сработавший в уездном масштабе», не расставившись ни на минуту с наганом и старенькими обмотками. Его формула жизни: «А вдруг баба вылезет? Нам нужны бабы, а не ученье». По свидетельству автора, он убеждается потом в важности ученья, и он, безусловно, познал ее в наши дни, хотя бы в бесконечной натуре и поставила его где-нибудь на окраине, у советско-афганской границы.

Вот Гайман и Юлька, комсомольская пара. Они прошли через испытания уездной школы, беспрепятственно и грубо ворвавшись в их личную жизнь. Но они устояли, они уверены в будущем. «Турбины, амперы, вольты, Юлька». Кто они теперь? На какой восторжке, в каком конструкторском бюро, в какой научной лаборатории искать их следы?

Есть, разумеется, среди людей «Моего поколения», и прожиточные персонажи, те, которые идут в отставку. Рува Воробейчик, брат Гайлаша, еврейский подросток, ставший подручным, «ленинком» заводского сына Ковалева, возглавляющего борьбу против комсомольцев в школе. Как это могло произойти? Рува — мечтатель, фантасти-

ческий карьерист. Он ушиблен судьбой... кого бы вы думали? «Самозащита», романтичного эгоиста-эгоиста, утонченного охотника за слабой и наслаждениями. Не хотел ли Горбатов этой литературной реминисценции, этой козвенной отгадкой на Балыка подержать качественную разницу судьбы нашего советского молодого человека от его блистательного коллеги, отдаленного от нас целым столетием?

Фигуря Рува, в основе убедительная, посет, однако, в себе некоторые черты литературщины, выпавшие из искренного строя всей книги. Сюжет ночного бреду Гувки изобилует такими аксессуарами, как летательный аппарат, жаркие грозы, проливный дождь и т. д. и т. п. Это отголоски детской болезни писателя.

Гораций, немного утешающийся, в меру образный, всегда серьезный язык книги звучит ровным, даже в патетических местах, где автор решается величие сегодняшних дней советской страны. Тем важнее подчеркнуть отдельные штрихи.

Композиция повести сложна, пожалуй, даже слишком усложнена, но эта сложность выливается в существование темы. На дела минувших дней, на радости, печали, чудачества ребят той поры приходится смотреть с вышней второй пятилетки. Отсюда — неоднократные возвращения к сегодняшнему дню: автор, как бы ошарашенный от воспоминаний, говорит о Магнитогорске, о напряженном темпе социалистического строительства. Мало того, обилие персонажей — не хочется никого обидеть — летят за собой полупустые биографические отступления. Сюжетная ткань разрывается.

«Старый комсомолец Жора Прокофьев погнался на старатца «СССР» на высоту, которой земля не знает. Он пошел отсюда Земле комсомольский привет. Но и зто меня не удивляет. Что же, зто меня не удивляет. Не знаю, было ли это вино Прокофьеву, но нам это видно очевидно. На чистоте нашей эстетике зыбенью, что 80 процентов руководителей работников — бывшие комсомольцы. Они призваны в этом с хорошим волнением. Земля вертикаль».

В этих словах смысл книги Горбатова. Земля вертикаль, растут и наши комсомольские писатели. Автор пишет в конце повести: «Когда я начал писать книгу о моем поколении, свелшие люди стали отговаривать меня. «Вам сколько лет? — спрашивали они насмешливо. Куда вы лезете? Вы ложитесь сначала тех годов, когда осмысливать свою молодость, и тогда уж вылезайте, пишете».

Свещенные люди, советовавшие Горбатову бросить перо и ждать седни, напрасно беспокоились. Искренность и скромность, соединенные с чувством ответственности, сделали свое дело. Вышла книга о людях поколения революции, нужная книга.

Проживая Сергея (он же автор книги), ушедшего рукописи в Москву, друзья кричали с перерыва провинциальной станицы: «Удари!».

«Мое поколение» — несомненно удача Горбатова. Прядит к нему и более крупные удачи, если его дальнейшими исканиями будет руководить то, что так молодо смотрит со страниц «Моего поколения».

А. ЧЕРНЯВСКАЯ.

В издании «Советский писатель» вышел сборник поэтов Грузии в переводе Б. Пастернака. Художественное оформление книги сделано грузинским худ. Лад. Гудушвили. Мы приводим заставку и концовку из этой книги.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Автор, он же один из героев соборной книги, рассказывает к нему пришел инженер Вовка; Вовка протянул анкету и вступил в комсомол; он родился... да, он родился в семнадцатом году!

«Я хлопал его по плечу, селулся, холодал, вертел его во все стороны, а он только краснел и бормотал смущенно: — Ну что ж тут такого? Ну, в семнадцатом».

Вовка — это уже смена. «Между Вовкой и его старшим братом идет мое поколение. Я знаю его берега, как рыбак знает берега своей реушкы».

«Мое поколение» — книга о тридцатилетнем. О среднем командном составе социалистической стройки. О молодых инженерах, секретарях райкомов, директоров заводов. О старых комсомольцах, имеющих уже право на воспоминания. О тех, кто среди суровых забот и дед, обремененный большим доверием и еще большей ответственностью, сохраняет молодой горячий задор комсомола.

Бороче, это книга о молодом человеке нашего советского XX в.

Недавно промелькнула в печати поразительная статистика: из 170 млн. населения Союза родились в 1917 г. «не звание городское», составляют половину. А вместе с теми, кто в октябре только начинал сознательную жизнь, у кого тогда только начался голос и уловато торчал лопатки, вместе с тогдашними пятнадцатилетними — 140 миллионов! Восемьдесят процентов. Поколение революции — это уже почти весь народ.

Когда читаешь книгу Бориса Горбатова, смысл этих простых и удивительных цифр расширяется с новой силой.

«Мое поколение» — книга биографическая. Герои передали, но не выжили, с портретной точностью. Следовательно, это «мемуары». Да, наши тридцатилетние уже имеют право на воспоминания.

Время действия книги — первое пятилетие революции, гражданская война, самое начало восстановительного периода. Могут сосчитать: актуально ли это сейчас? Но достаточно развернуть вчерашний или сегодняшний номер «Комсомольской правды», чтобы ответить на этот вопрос утвердительно. Комсомол наших дней не бесконечно более высокой основе, но огромный опыт многих лет реконструктивного периода, прошедший огромную политическую школу, продолжает обсуждать те же вопросы, которые волновали героев Горбатова, читателей удачной комсомольской «Коммуны номер раз» первых лет века: чуждость к товарищам, профессиональное самовосприятие, культурность, большевистская простота, преодоление бесцветной мечтательности, здоровый романтизм великих строительных будней.

Герои «Моего поколения», как впрочем, прыгают по земле, взрытой пушками гражданской войны. Они — школьники, но они не Кости Рабцевича. Коста Рабцевич — москвич, испытывавший в годы неустойчивости, в том числе школьную разруху, но ему далеко до страшного опыта, проделанного его сверстниками в уездной школе Украины. Интенантер детсада из здесь были настоящие герои войны: самоотверженный штык, тесак, «Мудрено ли, что мы знали и понимали оружие так же, как теплые детские автомобильные марши».

Робота молодца, по-взрослому, стоит у стола, на котором находится труп

рабочего-большевика, отца их товарища, и чувство классового ненависти зрел у них, детей рабочих, ремесленной бедноты, исповедов. Оно доходит до драмы с бойкостью, оно приходит с ними вместе в школу.

Школа, уездная советская школа конца гражданской войны, играет в книге Горбатова выдающуюся роль. Здесь в шум и гаме своеобразного, немного комичного «школьного партизанства» формируются характеры людей «Моего поколения», в частности основного героя повести — Алексея Гайлаша.

Есть, впрочем, в книге и другая линия — заводская. В эту заводскую колесо попадает второй основной персонаж — Павел Гайман.

Надо прямо сказать, что эта флегма мало удалась автору. Она скучна, трагедия. Неполноценно и вся картина местного заводника, первого отага хозяйственного восстановления. Автор отводит Павлуку определенное второстепенное место, как и той среде, где формирование комсомольцев протекало в наиболее простых и здоровых формах. Горбатов, главным образом, сосредоточивается на путаной карьере Алексея — школьника, курьера, безработного, дружка.

В этом смысле Горбатов пошел по линии наибольшего сопротивления, проявив своего героя через трудный перелом безработных первых лет века, через полустрашные сомнения и разочарования, через поиски работы у хозяйчиков и крепких мужиков. Хулиганство Алексея — форма индивидуального протеста против непопулярных внешних проявлений напав. Замкнутость, болезненное неприятие себя, боязнь ответственности за разнузданность, неуказаний «сроман» с Тасей — все это нагромождает сам Алексей Гайлаша на пути в комсомол, куда ему, сыну рабочего, так естественно было бы попасть. Целительная педагогика жизни, великий ветер революции приводит его в конце концов к комсомольскому берегу.

В большой галерее комсомольцев, созданных Горбатовым, каждый имеет свои слабости, чудачества, каждому доводится пережить через трудности, колебания, но каждый своим путем приходит на верную дорогу.

Вот Семик, курьер, «сработавший в уездном масштабе», не расставившись ни на минуту с наганом и старенькими обмотками. Его формула жизни: «А вдруг баба вылезет? Нам нужны бабы, а не ученье». По свидетельству автора, он убеждается потом в важности ученья, и он, безусловно, познал ее в наши дни, хотя бы в бесконечной натуре и поставила его где-нибудь на окраине, у советско-афганской границы.

Вот Гайман и Юлька, комсомольская пара. Они прошли через испытания уездной школы, беспрепятственно и грубо ворвавшись в их личную жизнь. Но они устояли, они уверены в будущем. «Турбины, амперы, вольты, Юлька». Кто они теперь? На какой восторжке, в каком конструкторском бюро, в какой научной лаборатории искать их следы?

Есть, разумеется, среди людей «Моего поколения», и прожиточные персонажи, те, которые идут в отставку. Рува Воробейчик, брат Гайлаша, еврейский подросток, ставший подручным, «ленинком» заводского сына Ковалева, возглавляющего борьбу против комсомольцев в школе. Как это могло произойти? Рува — мечтатель, фантасти-

ческий карьерист. Он ушиблен судьбой... кого бы вы думали? «Самозащита», романтичного эгоиста-эгоиста, утонченного охотника за слабой и наслаждениями. Не хотел ли Горбатов этой литературной реминисценции, этой козвенной отгадкой на Балыка подержать качественную разницу судьбы нашего советского молодого человека от его блистательного коллеги, отдаленного от нас целым столетием?

Фигуря Рува, в основе убедительная, посет, однако, в себе некоторые черты литературщины, выпавшие из искренного строя всей книги. Сюжет ночного бреду Гувки изобилует такими аксессуарами, как летательный аппарат, жаркие грозы, проливный дождь и т. д. и т. п. Это отголоски детской болезни писателя.

Гораций, немного утешающийся, в меру образный, всегда серьезный язык книги звучит ровным, даже в патетических местах, где автор решается величие сегодняшних дней советской страны. Тем важнее подчеркнуть отдельные штрихи.

Композиция повести сложна, пожалуй, даже слишком усложнена, но эта сложность выливается в существование темы. На дела минувших дней, на радости, печали, чудачества ребят той поры приходится смотреть с вышней второй пятилетки. Отсюда — неоднократные возвращения к сегодняшнему дню: автор, как бы ошарашенный от воспоминаний, говорит о Магнитогорске, о напряженном темпе социалистического строительства. Мало того, обилие персонажей — не хочется никого обидеть — летят за собой полупустые биографические отступления. Сюжетная ткань разрывается.

«Старый комсомолец Жора Прокофьев погнался на старатца «СССР» на высоту, которой земля не знает. Он пошел отсюда Земле комсомольский привет. Но и зто меня не удивляет. Что же, зто меня не удивляет. Не знаю, было ли это вино Прокофьеву, но нам это видно очевидно. На чистоте нашей эстетике зыбенью, что 80 процентов руководителей работников — бывшие комсомольцы. Они призваны в этом с хорошим волнением. Земля вертикаль».

В этих словах смысл книги Горбатова. Земля вертикаль, растут и наши комсомольские писатели. Автор пишет в конце повести: «Когда я начал писать книгу о моем поколении, свелшие люди стали отговаривать меня. «Вам сколько лет? — спрашивали они насмешливо. Куда вы лезете? Вы ложитесь сначала тех годов, когда осмысливать свою молодость, и тогда уж вылезайте, пишете».

Свещенные люди, советовавшие Горбатову бросить перо и ждать седни, напрасно беспокоились. Искренность и скромность, соединенные с чувством ответственности, сделали свое дело. Вышла книга о людях поколения революции, нужная книга.

Проживая Сергея (он же автор книги), ушедшего рукописи в Москву, друзья кричали с перерыва провинциальной станицы: «Удари!».

«Мое поколение» — несомненно удача Горбатова. Прядит к нему и более крупные удачи, если его дальнейшими исканиями будет руководить то, что так молодо смотрит со страниц «Моего поколения».

А. ЧЕРНЯВСКАЯ.

Моя мать, по-взрослому, стоит у стола, на котором находится труп рабочего-большевика, отца их товарища, и чувство классового ненависти зрел у них, детей рабочих, ремесленной бедноты, исповедов. Оно доходит до драмы с бойкостью, оно приходит с ними вместе в школу.

Школа, уездная советская школа конца гражданской войны, играет в книге Горбатова выдающуюся роль. Здесь в шум и гаме своеобразного, немного комичного «школьного партизанства» формируются характеры людей «Моего поколения», в частности основного героя повести — Алексея Гайлаша.

Есть, впрочем, в книге и другая линия — заводская. В эту заводскую колесо попадает второй основной персонаж — Павел Гайман.

Надо прямо сказать, что эта флегма мало удалась автору. Она скучна, трагедия. Неполноценно и вся картина местного заводника, первого отага хозяйственного восстановления. Автор отводит Павлуку определенное второстепенное место, как и той среде, где формирование комсомольцев протекало в наиболее простых и здоровых формах. Горбатов, главным образом, сосредоточивается на путаной карьере Алексея — школьника, курьера, безработного, дружка.

В этом смысле Горбатов пошел по линии наибольшего сопротивления, проявив своего героя через трудный перелом безработных первых лет века, через полустрашные сомнения и разочарования, через поиски работы у хозяйчиков и крепких мужиков. Хулиганство Алексея — форма индивидуального протеста против непопулярных внешних проявлений напав. Замкнутость, болезненное неприятие себя, боязнь ответственности за разнузданность, неуказаний «сроман» с Тасей — все это нагромождает сам Алексей Гайлаша на пути в комсомол, куда ему, сыну рабочего, так естественно было бы попасть. Целительная педагогика жизни, великий ветер революции приводит его в конце концов к комсомольскому берегу.

В большой галерее комсомольцев, созданных Горбатовым, каждый имеет свои слабости, чудачества, каждому доводится пережить через трудности, колебания, но каждый своим путем приходит на верную дорогу.

Вот Семик, курьер, «сработавший в уездном масштабе», не расставившись ни на минуту с наганом и старенькими обмотками. Его формула жизни: «А вдруг баба вылезет? Нам нужны бабы, а не ученье». По свидетельству автора, он убеждается потом в важности ученья, и он, безусловно, познал ее в наши дни, хотя бы в бесконечной натуре и поставила его где-нибудь на окраине, у советско-афганской границы.

Вот Гайман и Юлька, комсомольская пара. Они прошли через испытания уездной школы, беспрепятственно и грубо ворвавшись в их личную жизнь. Но они устояли, они уверены в будущем. «Турбины, амперы, вольты, Юлька». Кто они теперь? На какой восторжке, в каком конструкторском бюро, в какой научной лаборатории искать их следы?

Есть, разумеется, среди людей «Моего поколения», и прожиточные персонажи, те, которые идут в отставку. Рува Воробейчик, брат Гайлаша, еврейский подросток, ставший подручным, «ленинком» заводского сына Ковалева, возглавляющего борьбу против комсомольцев в школе. Как это могло произойти? Рува — мечтатель, фантасти-

ческий карьерист. Он ушиблен судьбой... кого бы вы думали? «Самозащита», романтичного эгоиста-эгоиста, утонченного охотника за слабой и наслаждениями. Не хотел ли Горбатов этой литературной реминисценции, этой козвенной отгадкой на Балыка подержать качественную разницу судьбы нашего советского молодого человека от его блистательного коллеги, отдаленного от нас целым столетием?

Фигуря Рува, в основе убедительная, посет, однако, в себе некоторые черты литературщины, выпавшие из искренного строя всей книги. Сюжет ночного бреду Гувки изобилует такими аксессуарами, как летательный аппарат, жаркие грозы, проливный дождь и т. д. и т. п. Это отголоски детской болезни писателя.

Гораций, немного утешающийся, в меру образный, всегда серьезный язык книги звучит ровным, даже в патетических местах, где автор решается величие сегодняшних дней советской страны. Тем важнее подчеркнуть отдельные штрихи.

Композиция повести сложна, пожалуй, даже слишком усложнена, но эта сложность выливается в существование темы. На дела минувших дней, на радости, печали, чудачества ребят той поры приходится смотреть с вышней второй пятилетки. Отсюда — неоднократные возвращения к сегодняшнему дню: автор, как бы ошарашенный от воспоминаний, говорит о Магнитогорске, о напряженном темпе социалистического строительства. Мало того, обилие персонажей — не хочется никого обидеть — летят за собой полупустые биографические отступления. Сюжетная ткань разрывается.

«Старый комсомолец Жора Прокофьев погнался на старатца «СССР» на высоту, которой земля не знает. Он пошел отсюда Земле комсомольский привет. Но и зто меня не удивляет. Что же, зто меня не удивляет. Не знаю, было ли это вино Прокофьеву, но нам это видно очевидно. На чистоте нашей эстетике зыбенью, что 80 процентов руководителей работников — бывшие комсомольцы. Они призваны в этом с хорошим волнением. Земля вертикаль».

В этих словах смысл книги Горбатова. Земля вертикаль, растут и наши комсомольские писатели. Автор пишет в конце повести: «Когда я начал писать книгу о моем поколении, свелшие люди стали отговаривать меня. «Вам сколько лет? — спрашивали они насмешливо. Куда вы лезете? Вы ложитесь сначала тех годов, когда осмысливать свою молодость, и тогда уж вылезайте, пишете».

Свещенные люди, советовавшие Горбатову бросить перо и ждать седни, напрасно беспокоились. Искренность и скромность, соединенные с чувством ответственности, сделали свое дело. Вышла книга о людях поколения революции, нужная книга.

Проживая Сергея (он же автор книги), ушедшего рукописи в Москву, друзья кричали с перерыва провинциальной станицы: «Удари!».

«Мое поколение» — несомненно удача Горбатова. Прядит к нему и более крупные удачи, если его дальнейшими исканиями будет руководить то, что так молодо смотрит со страниц «Моего поколения».

А. ЧЕРНЯВСКАЯ.

Моя мать, по-взрослому, стоит у стола, на котором находится труп рабочего-большевика, отца их товарища, и чувство классового ненависти зрел у них, детей рабочих, ремесленной бедноты, исповедов. Оно доходит до драмы с бойкостью, оно приходит с ними вместе в школу.

Школа, уездная советская школа конца гражданской войны, играет в книге Горбатова выдающуюся роль. Здесь в шум и гаме своеобразного, немного комичного «школьного партизанства» формируются характеры людей «Моего поколения», в частности основного героя повести — Алексея Гайлаша.

Есть, впрочем, в книге и другая линия — заводская. В эту заводскую колесо попадает второй основной персонаж — Павел Гайман.

Надо прямо сказать, что эта флегма мало удалась автору. Она скучна, трагедия. Неполноценно и вся картина местного заводника, первого отага хозяйственного восстановления. Автор отводит Павлуку определенное второстепенное место, как и той среде, где формирование комсомольцев протекало в наиболее простых и здоровых формах. Горбатов, главным образом, сосредоточивается на путаной карьере Алексея — школьника, курьера, безработного, дружка.

В этом смысле Горбатов пошел по линии наибольшего сопротивления, проявив своего героя через трудный перелом безработных первых лет века, через полустрашные сомнения и разочарования, через поиски работы у хозяйчиков и крепких мужиков. Хулиганство Алексея — форма индивидуального протеста против непопулярных внешних проявлений напав. Замкнутость, болезненное неприятие себя, боязнь ответственности за разнузданность, неуказаний «сроман» с Тасей — все это нагромождает сам Алексей Гайлаша на пути в комсомол, куда ему, сыну рабочего, так естественно было бы попасть. Целительная педагогика жизни, великий ветер революции приводит его в конце концов к комсомольскому берегу.

В большой галерее комсомольцев, созданных Горбатовым, каждый имеет свои слабости, чудачества, каждому доводится пережить через трудности, колебания, но каждый своим путем приходит на верную дорогу.

Вот Семик, курьер, «сработавший в уездном масштабе», не расставившись ни на минуту с наганом и старенькими обмотками. Его формула жизни: «А вдруг баба вылезет? Нам нужны бабы, а не ученье». По свидетельству автора, он убеждается потом в важности ученья, и он, безусловно, познал ее в наши дни, хотя бы в бесконечной натуре и поставила его где-нибудь на окраине, у советско-афганской границы.

Вот Гайман и Юлька, комсомольская пара. Они прошли через испытания уездной школы, беспрепятственно и грубо ворвавшись в их личную жизнь. Но они устояли, они уверены в будущем. «Турбины, амперы, вольты, Юлька». Кто они теперь? На какой восторжке, в каком конструкторском бюро, в какой научной лаборатории искать их следы?

Есть, разумеется, среди людей «Моего поколения», и прожиточные персонажи, те, которые идут в отставку. Рува Воробейчик, брат Гайлаша, еврейский подросток, ставший подручным, «ленинком» заводского сына Ковалева, возглавляющего борьбу против комсомольцев в школе. Как это могло произойти? Рува — мечтатель, фантасти-

ческий карьерист. Он ушиблен судьбой... кого бы вы думали? «Самозащита», романтичного эгоиста-эгоиста, утонченного охотника за слабой и наслаждениями. Не хотел ли Горбатов этой литературной реминисценции, этой козвенной отгадкой на Балыка подержать качественную разницу судьбы нашего советского молодого человека от его блистательного коллеги, отдаленного от нас целым столетием?

Фигуря Рува, в основе убедительная, посет, однако, в себе некоторые черты литературщины, выпавшие из искренного строя всей книги. Сюжет ночного бреду Гувки изобилует такими аксессуарами, как летательный аппарат, жаркие грозы, проливный дождь и т. д. и т. п. Это отголоски детской болезни писателя.

Гораций, немного утешающийся, в меру образный, всегда серьезный язык книги звучит ровным, даже в патетических местах, где автор решается величие сегодняшних дней советской страны. Тем важнее подчеркнуть отдельные штрихи.

Композиция повести сложна, пожалуй, даже слишком усложнена, но эта сложность выливается в существование темы. На дела минувших дней, на радости, печали, чудачества ребят той поры приходится смотреть с вышней второй пятилетки. Отсюда — неоднократные возвращения к сегодняшнему дню: автор, как бы ошарашенный от воспоминаний, говорит о Магнитогорске, о напряженном темпе социалистического строительства. Мало того, обилие персонажей — не хочется никого обидеть — летят за собой полупустые биографические отступления. Сюжетная ткань разрывается.

«В текущем году краевые издательства выпускают 235 книг...»

В провинции обильно растут свои писатели, среди них есть полные и своеобразные художники...

Можно сказать, что внимание наших критиков обратило пропорционально квадрату расстояния...

Уже это показывает, как несостоятельно высокомерно игнорирование провинции...

НОВАЯ ПЬЕСА Н. ПОГОДИНА

2 октября Н. Погодин прочел свою новую пьесу «Аристократы» труппе театра им. Вахтангова...

созданы Оргкомитетом, оказались тесными по составу и не всегда знакомыми по составу...

Ах, тот скажи любви конец, Кто на три года вдалеке улетел...

Да и в Москве, рецензируя краевые издания, очень часто делают эту ошибку и опасную ошибку...

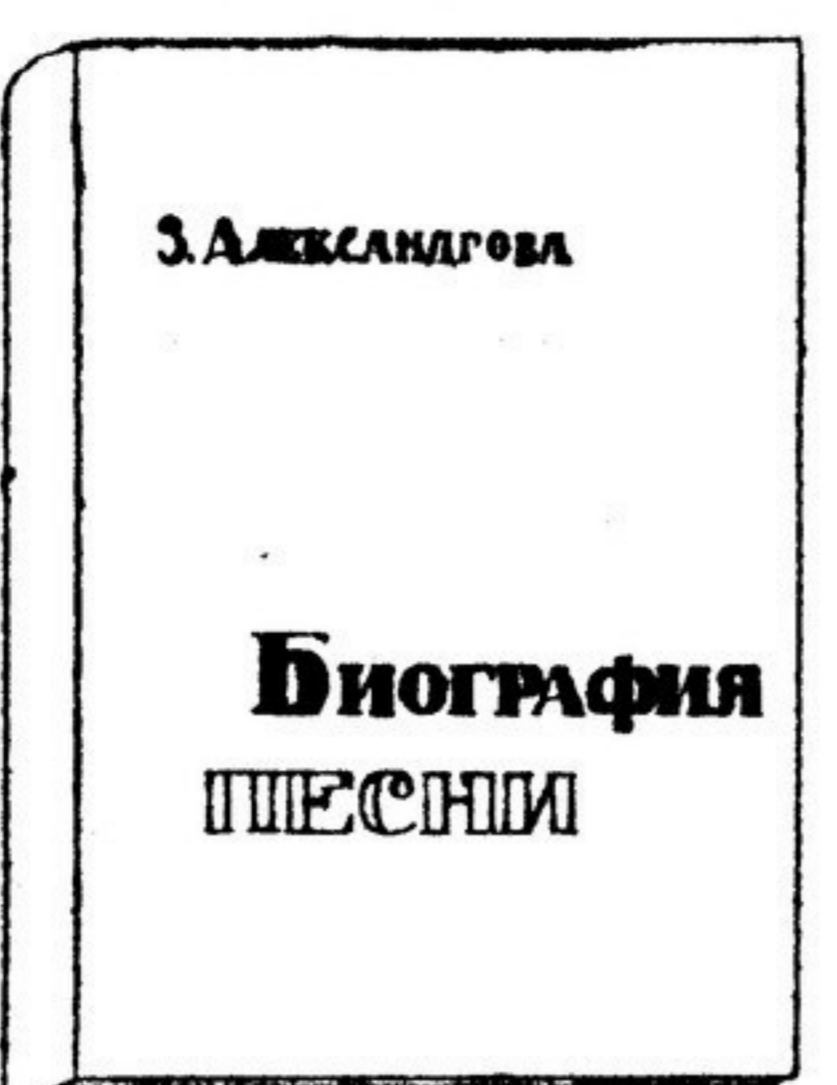
Такое разделение должно. Чепуха, будто наша провинция не может создать полновесных художественных произведений...

Довольно смиден на провинциальность! Из статьи на второразрядность ничего не выйдет...

ВЛ. НИКОНОВ.

Биография молодости

Молодость сама по себе обладает большим преимуществом, она несет в себе возможность роста...

В сборнике стихов молодой поэтессой З. Александровой «Биография песни»...

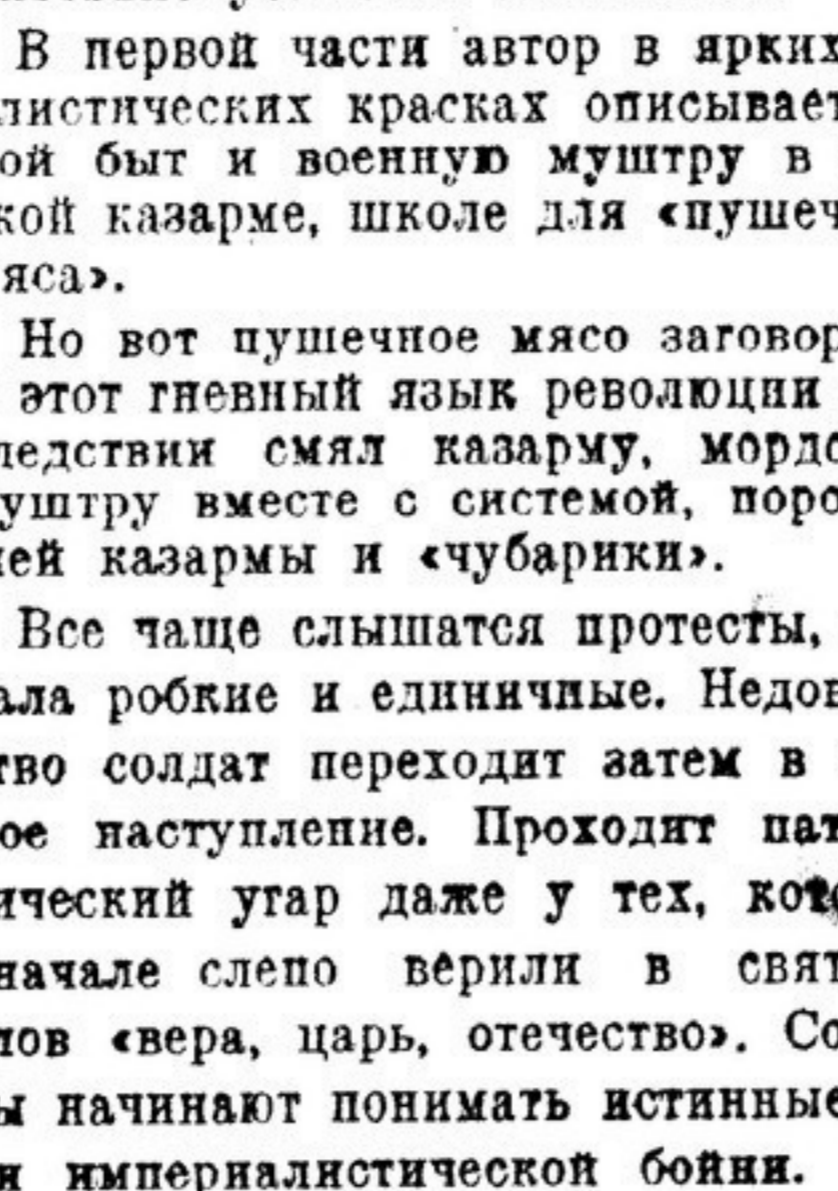
В них почти нет небрежности в слове, автор умело пользуется метафорой, эпитетом...

С большой темой и большой формой автор пока еще не справляется. Отрывок из поэмы «Тракторист Медведев»...

Александрова, «Биография песни», «Молодая гвардия», 1934.

«Солдаты»

Недавно издана художественная хроника «Солдаты» известного бакинского писателя А. Тагирова...

В первой части автор в ярких реалистических красках описывает тулой быт и военную мушкетерскую жизнь...

Автор искусно развертывает перед читателем яркие образы солдат Сурава, Фатхетдинова, Гринберга...

«Солдаты» А. Тагирова носят авторско-биографический характер. Повествование ведется от имени автора...

А. Тагиров, «Солдаты», авторизованная обработка по подстрочнику Б. Х. Черняка и В. Я. Торсиса, ГИХЛ, 1934.

На Парижа дошла весть, что открылся галереи Бергайма и Поля Гийома...

В Париже 60 000 художников, которые каждый день с упорством фанатиков...

Откуда вылезла эта пролетарская в искусстве? С тех пор как меньше стали ценить настоящее, подлинное знание...

«Солдаты» А. Тагирова носят авторско-биографический характер. Повествование ведется от имени автора...

Посетителей на этих выставках вы не встретите: пришла в любой час, вы увидите пустую залу...

например, разорявшая коллекцию художников, чтобы не снижалась искусственно...

Наряду с большими корешками художниками каждый «маршан» имеет на откуп несколько молодых, неизвестных художников...

Откуда вылезла эта пролетарская в искусстве? С тех пор как меньше стали ценить настоящее, подлинное знание...

«Солдаты» А. Тагирова носят авторско-биографический характер. Повествование ведется от имени автора...

Посетителей на этих выставках вы не встретите: пришла в любой час, вы увидите пустую залу...

роил его выставку. Фотрие волохну, и началось его восхождение...

Ступи, большой, полупомешанный невзрачный, прехващавый в 1913 г. в Париж из Вильны...

Эта система «маршанов» давно установилась во Франции. Но в эпоху Сезанна Воляр имел маленькую лавочку на rue Lafitte...

Галереи в то время концентрировались на Монмартре. Их было немного. Теперь эта отрасль промышленности...

Искусство мало интересует во Франции, и это не парадокс. Закрывшие таких галерей, как Бергайма и Поля Гийома...

НИКОЛАЙ ЛАПШИН.

ВОКРУГ «ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА»

Проблема «поэтического наследия» у нас не только не разработана: наша критика, можно сказать, к ней еще почти не подходит...

Упоение достижений буржуазной поэзии заставляет наших поэтов и критиков четко поставить и разграничить вопросы мировоззрения и художественного метода...

Такой представляется нам в основном постановка вопроса о наследии поэта. В статье А. Волкова, подробно излагающей историю акмеизма...

лучше всего уясняется на конкретных частях примера. Опылой из таких частых проблем (вопрос о наследии акмеизма) была посвящена моя статья в «Литературном Ленинград»...

Упоение достижений буржуазной поэзии заставляет наших поэтов и критиков четко поставить и разграничить вопросы мировоззрения и художественного метода...

Такой представляется нам в основном постановка вопроса о наследии поэта. В статье А. Волкова, подробно излагающей историю акмеизма...

местические истоки поэтического творчества Н. Тихонова (его первые стихи «Орда» и «Брага»)...

«Акмеизм» — это не только поэтический метод, но и поэтический стиль. Он предполагает определенную систему взглядов на искусство...

И все же это не должно смущать наших поэтов, терпящих из акмеистического наследия те элементы, которые могут пригодиться в нашей поэтической работе...

Поэма. Даже в величайшем достижении классицизма — в поэтическом реалистическом Пушкина — мы видим ту же классовую замкнутость...

«Конкретность» акмеизма не касалась многих — а самых существенных — сторон современной ей поэтической действительности...

Искатели таинственных цветов, Не вносенных в тома энциклопедии, Во снах мы видим тамешки из меди...

Спят к лесам, где буры мелководья, К озерам, где разрезана жара Грудными плавниками осетра...

Эти стихи можно не комментировать — достаточно будет привести их в первоисточнике («Вальс» Н. Гумилева из книги «Чужое небо»)...

Влюбленные, чья грусть, как облака, И нежные залучившие леди... В моей стране спокойная река, В полях и рощах много сладкой смели...

МНН. ОНСОН.

КНИГА

О СИМВОЛИСТАХ

Литературоведом Н. С. Ашуквиным подготовлены в печать материалы, хранящиеся в Центральном литературном музее, большой сборник «Русские символисты». В сборнике будут даны не только биографии В. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, А. Белого, литературные воспоминания В. Саянова и воспоминания о Брюсове.

Исключительный интерес представляют два письма А. Блока к В. В. Розанову, характеризующие отношение поэта к самодержавию и русской революции. Письма датированы февралем 1909 г. В одном из них Блок пишет: «Современная русская, государственная машина есть, конечно, гнусная, слепая, вояющая старость, семидесятилетний социализм, который пожимает руки зарежет здоровью юношескую руку. Революция русская, в ее лучших представителях — юность с широким кругом лица». «Правда всегда на стороне юности», — добавляет Блок в другом месте.

Центральное место сборника уделено В. Брюсову, который будет представлен как редактор, как публицист-исследователь и поэт.

УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ В ВОЛОГДЕ

В Вологде открылся второй в Северном крае рабочий университет культуры — им. первого всесоюзного поэта писателя.

При университете три факультета: историко-политический, технический и общеобразовательный.

АРХИВЫ ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ

Недавно в Москву возвратился писатель В. И. Нейштадт, работающий сейчас по истории Горьковского края. Основная работа т. Нейштадта посвящена истории заводов Выксунского района. Обследова архивы Горьковского края, т. Нейштадт обнаружил три дела о Пушкине. Первое дело касается тайного визита Пушкиным во время его путешествия по Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерниям для собирания материалов по «Истории Пугачевского бунта» (1833 г.).

Второе дело — о залоге Пушкиным его имени Кистеневки — относится к 1832 г.

Третье дело связано с женой Пушкина Натальей Николаевной (во втором замужестве Ланской) и содержит иск Натальи Николаевны к жене брата Пушкина Льва Сергеевича. Это дело особенно интересно рядом бытовых подробностей.

Помимо этих материалов т. Нейштадт обнаружил неопубликованные письма Гоголя, Жуковского, Батюшкова, Лыба Толстого, Гончарова, Некрасова, Дружинина, Панаева и др., которые будут опубликованы в ряде изданий.

Работа над историей Выксы, т. Нейштадт попутно собрал ряд интереснейших материалов о выксунском крепостном театре Баталевых-Шенделевых, которые после обработки будут опубликованы отдельным изданием.

ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА

М. З. Д. А. Н. И. Е. КЛАССИКОВ ГРУЗИНСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ЛИТЕРАТУРЕ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ В 10 РАЗ

ТИОЛИС. (Наш корр.). Книжки грузинских писателей-классиков стали библиографической редкостью. Выпущенные сравнительно недавно в 7000 экз., сочинения Акакия Церетели были распроданы в несколько месяцев, и теперь их нельзя достать даже у бумажников. Также распродано трактованное собрание сочинений Важа Пшавела. Интерес к классической литературе остается неудовлетворенным.

По плану государственного издательства Грузии (Сакелти) в 1935 г. намечается увеличение изданий классических произведений литературы грузинской и переводной в десять раз. В 1935 г. будет выпущено 4 млн. листов-оттисков классических произведений.

Издательство произведений современных писателей сокращается в Сахлагамы наполняют за счет усиления деятельности издательства «Федерация» (при ССР Грузии), которое должно превратиться в типизированное издательство художественной литературы. Произведения современных писателей Сахлагамы предлагают выпустить в 1935 г. 1,6 млн. листов-оттисков.

ОЗНАМЕНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ М. КОЦЮБИНСКОГО

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). В ознаменование 70-летия со дня рождения выдающегося украинского писателя М. М. Коцюбинского Совнарком УССР принял специальное постановление, отмечающее эту дату.

Постановление предусматривает издание в течение 1935—37 гг. аннотированного собрания произведений М. Коцюбинского и издание в течение 1935 г. лучших его произведений массовым тиражом.

Наркомпрос УССР поручено выделить при государственных университетах и педагогических институтах 10 персональных стипендий имени Коцюбинского для лучших студентов-ударников литературного факультета.

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

В издательстве «Советский писатель» вышли книги:

- * «Снег» — роман П. Низового о взаимоотношениях художника И. В. Кузьмина.
- * «Тарабора» — повесть Н. Ночина в оформлении художника А. Соловейчика.
- * «Гуляй, Волга!» — роман Арт. Веселого (третье, дополненное издание с иллюстрациями художника В. Дарана).
- * Две повести С. Михайлова «Варьеры» и «Цыганская заря».
- * «Сны о диктатуре» — книга стихов В. Гусева.

Детизм выпустил следующие книги для детей старшего возраста: «Дети капитана Гранта» Жюль Верна в переводе И. Петрова, «Соленый ветер» Д. Лухманова с рисунками А. Г. Бехтерева и «Рыбки» — повесть А. И. Савицкого с рисунками П. Н. Вышеславцева.

В серии «Жизнь замечательных людей» выпущено «Журналоведение», вышла книга Ст. Вольского «Кромель». Книга делится на две части. Первая — «Эпоха Кромелья», рисунки сельскую Англию, церковь в эпоху Кромелья, промышленность и торговлю Англии и общественно-политическую жизнь Лондона. Вторая знакомит читателя с жизнью и деятельностью самого Кромелья.

В серии «Жизнь замечательных людей» выпущено «Журналоведение», вышла книга Ст. Вольского «Кромель». Книга делится на две части. Первая — «Эпоха Кромелья», рисунки сельскую Англию, церковь в эпоху Кромелья, промышленность и торговлю Англии и общественно-политическую жизнь Лондона. Вторая знакомит читателя с жизнью и деятельностью самого Кромелья.

КНИГИ В ГРАНКАХ

ДОСТОЕВСКИЙ

Над темой «Достоевский и пятидесятники» работает И. Ф. Вельчиков.

В работе будет дан анализ борьбы Достоевского в области истории с Чернышевским, в вопросах литературной критики — с Добролюбовым и с Ю. Жукотским — в области политико-социальной публицистики.

Исследователи ставят себе целью проследить, какую позицию занимал Достоевский в 60-х годах. Это даст возможность усилить сложный и мало разработанный нашим литературоведением вопрос об эволюции Достоевского от идей утолического социализма 40-х годов к реакционному поведению в 60-х годах.

Литературоведом привлечено много архивных материалов, найдены ценные неопубликованные заметки Достоевского о своих идеях, разногласиях с шестидесятниками, неопубликованная поэзия члена «Земли и воли» (60-х гг.) И. Серго-Соловьевича, П. Ткачева и неопубликованные литературные критические статьи В. Зайцева.

Работа об объеме в 12 печатных листов выходит в ленинградском издательстве Гослитиздата.

ЮБИЛЕЙНЫЕ КОНЦЕРТЫ ПАМЯТИ БАХА И ГЕНДЕЛЯ

Московская Филармония к 250-летию со дня рождения крупнейших немецких композиторов Баха и Генделя организует в этом сезоне цикл концертов из их произведений. В программу включены также два вечера органной музыки проф. Гедине и Н. Я. Выгодского. Для участия в юбилейных концертах помимо солистов театров Москвы и Ленинграда приглашена ленинградская хоровая капелла под управлением Климова.

В ТЕАТРЕ «БЕРЕЗИЛЬ»

На днях в театре «Березиль» состоялся торжественный вечер, посвященный открытию нового сезона.

Секретарь обкома КП(б) У. Демченко в своей речи наметил ближайшие задачи театра и его шефов — ударников ХПЗ и отметил большое внимание, которым окружает партия театр «Березиль». Театр в этом сезоне должен выйти на передовые позиции советского театрального искусства СССР.

Зав. литчастью театра драматург Корнетчик прочитал свою новую пьесу «Платон Кречет», встреченную собранием с большим интересом. Писателю сюжет и трактовка образов пьесы являются большим произведением советской драматургии.

К работе над пьесой приступила уже группа мастеров в составе: режиссера Тятло (постановщик «Габриэля Эскадры»), художника Шифрина и композитора Мейтуса.

С большим удовлетворением собрание встретило предложение председателя горсовета т. Саратикова о строительстве в Харькове Дома артистов.

ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ ПРОЛЕТАРСКОГО ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ

В Пролетарском районе разморожено строительство второй очереди Дворца культуры. В новом корпусе будут расположены большие выставочные залы, зимний сад, библиотека, пионерский клуб, грандиозный спортзал, рабочий ресторан и общепитовая. После окончания второй очереди дворца начнется сооружение театра на 4 тыс. мест, постройкой которого будет завершено создание всего комплекса дворца. (РОСТА).

МУЗЕИ НА ЗАВОДАХ

До революции в Москве был 31 музей. В настоящий момент их около ста. В Ленинграде было 19 музеев, сейчас их около 70. За годы Октябрьской революции исключительный рост получили местные краевые музеи. За 1917—1930 гг. в краях, областях и автономных республиках СССР организовано в три раза больше музеев, чем за 120 лет царской России. В 1917 г. в России насчитывалось 108 музеев, а сейчас их 333. Так же быстро растут музеи и в союзных республиках. Украина до революции имела 37 музеев. В настоящий момент их 152. В СССР до революции имела пять музеев, сейчас 21. В Узбекистане было три музея, сейчас 11, так далее.

Растут музеи и на предприятиях и на новостройках. На Электроставском заводе, Ростсельмаше, Ижевском заводе, Соликамском и других организованы производственные музеи, проводящие среди рабочих большую работу по техпропаганде.

РАЙОННЫЕ ТЕАТРЫ

СВЕРДЛОВСКОЕ (РОСТА). 1 октября открывается зимний сезон в 11 стационарных театрах и городах Свердловской области. Театры организованы в Лысьве, Ирбите, Надеждинске, Березниках и других районных центрах. В репертуаре — современные классические произведения, в частности «Политая целина», «Ревизор», «Чудесный сплав». В Саргуле сформирован постоянный колхозный театр.

НОВЫЙ КОРПУС ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ

Заканчивается возведение нового корпуса Третьяковской галереи. В ближайшее время начнется внутреннее его оборудование. В корпус, который состоит из 8 больших залов общей площадью в 11700 кв. метров, будут размещены произведения искусства XIX в. и начала XX в. В новое помещение будут перенесены картины Репина, Серова, Левитана и других известных художников (до 500 экспонатов).

Новый корпус откроется весной 1935 г.

МОНОГРАФИЯ О Д. МООРЕ

В Изюне выходит первая монография о работах заслуженного деятеля искусства, одного из крупнейших художников Советского союза Д. С. Моора. Монография дает обзор работы художника за 25 лет (РОСТА).

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОНЯЛИСЬ И СНЫЛИСЬ

Началось так. В первых числах марта 1934 г. в районный клуб металлостроителей И. Иваново явились четыре одесских писателя: Матийко, Златович, Павличенко и Плоткин. Устроили, конечно, вечер. На вечере выяснилось, что не организовали литкружки на крупнейшем заводе.

Затем прочли свои произведения, послушали «неорганизованных» авторов и поклались: «Не пройдет и недели, как кружок будет работать полным ходом». Тут же провели вербовку. Записалось 12 человек.

Прошло два месяца. Шефы не показывались. Наконец, под нажимом самих же кружковцев, явился руководитель т. Захаров (теперь член Союза советских писателей). И вот, с первых же слов т. Захаров обещает нас обучить и сделать из нас если не писателей, то по крайней мере читателей.

На следующем занятии кружка — паролу еще больше. Но... вот тут-то и началось. Руководитель не явился. Ничего! Не унывали кружковцы — может быть! Но и в следующий раз руководителя не было, а занятия по плану — четыре раза в месяц.

И, наконец, перед севном писателей в последний раз кружок в составе пяти человек еще раз встретился со своим руководителем. На этот раз т. Захаров сказал нам: «Чтобы работать, мы, писатели, должны из группы организоваться в Союз и... я завтра еду на сев!».

Как узнали мы от культурного помощника нашего завода тов. Головова, Захаров получил 450 руб.

ЛИТКРУЖКИ ИЗУЧАЮТ РЕШЕНИЯ С'ЕЗДА

Особое внимание было обращено на те места доклада, где говорится о задачах советской литературы. Помогает о том, что основным термом книги мы должны избрать труд, учась изображать эмоциональный процесс превращения собственных коллективных примеров на творчестве самих кружковцев. В результате кружковцы почувствовали, как много нужно работать, чтобы научиться правдиво изображать труд и подмечать «мелкие, но внутренние весьма ценные показатели изменения самооценки людей».

Ожидалося пропало обсуждение доклада Бухарина на занятиях литкружка ЦАГИ. Кружковцы понимая, что проблематика «чужа», Бухарина во весь рост в докладе т. Вухарина, в первую очередь относится к кружковцам, что прогнившим — порок, свойственный в значительной мере им самим, по ряду утверждений т. Вухарина оспаривался. В частности много разговоров вызвало положение: «Старый реализм был до известной степени антиреализм, в то время как старая лирика была тоже до известной степени антиреалистична».

Кружковцы разделились на два лагера. Одни, ссылаясь на лирику Блока и Тютчева, защищали положение т. Вухарина. Другие, ссылаясь на Пушкина, Гоголя, Тургенева, спрашивали:

«Можно ли утверждать, что реализм Тургенева антиреализм? И вообще: является ли анализ лирики в реализме выражением силы художника?»

Сомнение вызывает самый термин «старый реализм», кажущийся им общим, недифференцированным, «неисторичным». В этой связи рассматривается близкое к тезису Бухарина положение Нусинова, выдвинутое им в статье о социалистическом реализме:

«Одной из существенных сторон дворянско-буржуазного реализма является его антиисторичность или по крайней мере его недостаточная историчность».

Спор разгорается. Чувствуется неясность. И вот всплывает что-то предложение:

Дайте нам ответ на наши сомнения. Предложение принимается.

МИХ. БЕНКЕР.

Опыт, заслуживающий внимания

Многие литстраницы многотиражек и заводские литгазеты часто заполняются материалом низкого качества. Сырые стихи, недоработанные повести и туманные отрывки из поэм молодых литкружковцев — словом, материал, который нуждается еще в серьезной обработке, шлифовке.

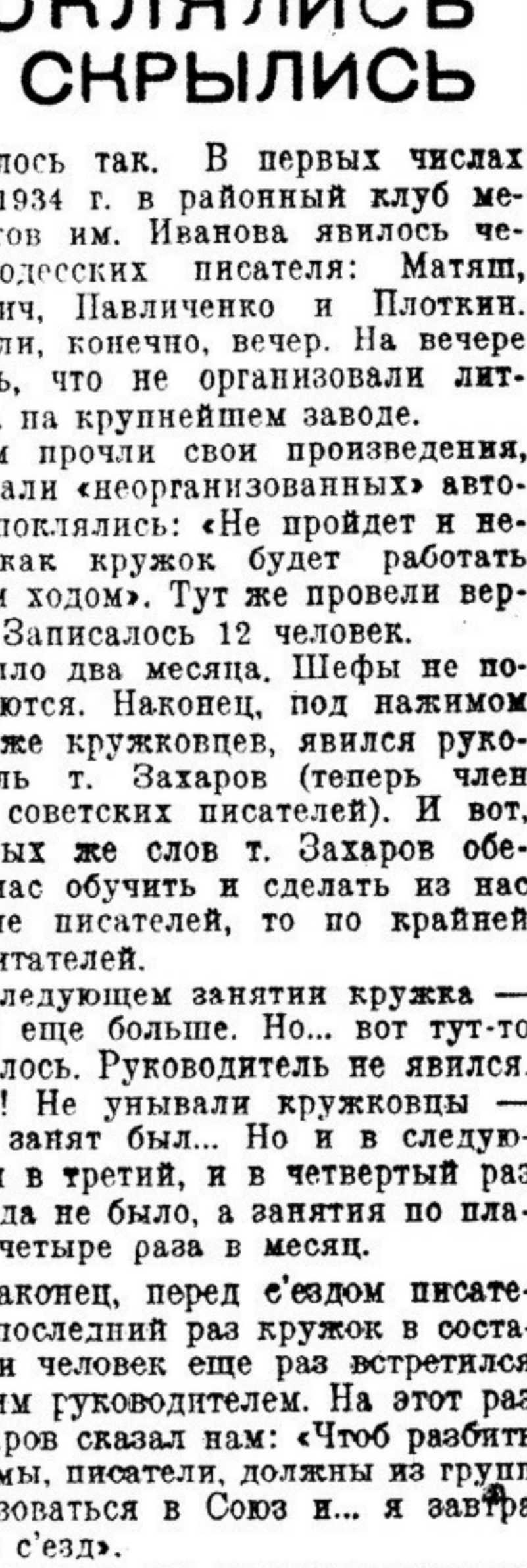
Организаторы забывают, что литстраницы и литгазеты должны выполнять прежде всего роль пропаганды искусства вообще и заводу идейно-художественного воспитания масс. Поэтому работа коллективов заводских художественной самодеятельности, библиотек, аниматоров и в первую очередь литкружковцев, должна быть направлена на то, чтобы дать читателю литстраницы, но пока что такая практика встречается как исключение.

Тем большее значение приобретает опыт газет «Красноармеец» (Самара). Ряд литстраниц ее был посвящен обсуждению рассказа одного литкружковца. Дискуссия развернулась на довольно высоком уровне. Актуальные темы (автор показал образ бойца, замкнувшегося в свой узко ограниченный мир) заставила участников дискуссии походить к рассказу не только с чисто литературной стороны. Ораторы оценивали произведение с точки зрения окружавшего, хорошо им знакомого материала — Красноармейской действительности — и тем самым развернули широкую самокритику.

В результате обсуждения литкружковцы и особенно автор проинформированы и особенно по поводу рассказа, а читатели критически пересмотрели и привдумались над вопросами своего бытия.

Много ли найдется заводских

Писатели В кино

Из фильма «Буденный». В роли Майни четырехлетняя Ал'ама. В главной роли Юлия — четырехлетняя Илья.

Одесская фабрика

Первая комсомольская кинофабрика в Одессе провела в этом году большую работу по подготовке сценария к фильму «Буденный» в 1934 г. Часть готовых сценариев пускается в производство уже в 1934 г.

Фабрика, в которой концентрируется производство детских и молодежных фильмов, добилась превращения в работу над сценариями лучших советских и иностранных авторов.

С. Я. Маршак работает в данное время над сценарием мультипликационного фильма «Петрушка-Иностранец» для детей младшего школьного возраста.

Лев Нассиль слал фабрике два сценария «Кондути» и «Буденный». Постановка «Кондути» поручена режиссером Шелонцеву и Юлину. «Буденный» ставит режиссер Григорьев, сценарий пишет в производство. Тов. Буденный выразил согласие сниматься для этой картины.

Пантелеев работает над сценарием для полнометражного звукового фильма «Хочу летать».

Детский драматург Шестанов готовит комедию для детей школьного возраста «Солнечный маскарад».

Югов А. К. работает над сценарием для детского фильма «Красная камель».

Для работы над сценариями для молодежи и взрослого зрителя привлечены следующие писатели:

Юрий Олеше пишет лирическую комедию о новых моральных отношениях людей социалистического общества. Условное название сценария: «Плечное счастье и коммунизм».

Получена творческая заявка на полнометражный звуковой сценарий от французского писателя Луи Арагона. Тема: классовая борьба во Франции в начале XX в.; сценарий строится на материале политической забастовки шахтеров в Иглэве в июле 1904 г.

Французский писатель Леон Муссиник к 15 октября представит фабрике либретто сценария на материал Советского союза.

Главным персонажем сценария является француз, приехавший работать в Советский союз.

Режиссеры Голуб и Садюков приступают к постановке звукового фильма «Половое» по роману Володина.

Украинский писатель Корнетчик работает над полнометражным звуковым сценарием «Порт».

Одним из крупнейших революционных писателей Запады Жан-Ришар Блок предоставляет фабрике возможность выбрать из нескольких его либретто то, которое по своему материалу могло бы быть наиболее легко реализовано в пределах Советского союза.

Опыт, заслуживающий внимания

Многие литстраницы многотиражек и заводские литгазеты часто заполняются материалом низкого качества. Сырые стихи, недоработанные повести и туманные отрывки из поэм молодых литкружковцев — словом, материал, который нуждается еще в серьезной обработке, шлифовке.

Организаторы забывают, что литстраницы и литгазеты должны выполнять прежде всего роль пропаганды искусства вообще и заводу идейно-художественного воспитания масс. Поэтому работа коллективов заводских художественной самодеятельности, библиотек, аниматоров и в первую очередь литкружковцев, должна быть направлена на то, чтобы дать читателю литстраницы, но пока что такая практика встречается как исключение.

Тем большее значение приобретает опыт газет «Красноармеец» (Самара). Ряд литстраниц ее был посвящен обсуждению рассказа одного литкружковца. Дискуссия развернулась на довольно высоком уровне. Актуальные темы (автор показал образ бойца, замкнувшегося в свой узко ограниченный мир) заставила участников дискуссии походить к рассказу не только с чисто литературной стороны. Ораторы оценивали произведение с точки зрения окружавшего, хорошо им знакомого материала — Красноармейской действительности — и тем самым развернули широкую самокритику.

В результате обсуждения литкружковцы и особенно автор проинформированы и особенно по поводу рассказа, а читатели критически пересмотрели и привдумались над вопросами своего бытия.

Много ли найдется заводских

„Хорошая жизнь“ в МХТ II

С. Амаглобели пьесой «Хорошая жизнь» дебютирует; это его первая драматургическая работа. Это обязывает критику к осторожности: опознать и негативных и положительных. Значительно нужнее указать автору на тенденции его творчества, чем несправедливо сравнивать первый, во многом интересный, но несовершенный опыт, с великими произведениями советской драматургии или, наоборот, пренебрежительно отнестись к первой пьесе драматурга лишь потому, что она первая.

Нужно сказать прямо, что вторая возможность менее вероятна, так как еще задолго до того, как «Хорошая жизнь» увидела свет рампы, молодой автор не испытывал недостатка внимания. О «Хорошей жизни» была широкая информация в прессе, пожалуй, даже более широкая, чем бывало обычно в таких случаях. Помимо этого определенную атмосферу вокруг пьесы создал опубликованный в печати восторженный отзыв о «Хорошей жизни» Романа Роллана, вложенный в письмо к ее автору.

Думается, что при оценке спектакля МХТ II следует исходить не из этих фактов, а из того, что мы видели на сцене и прочли в рукописи. Хотя, естественно, мы с глубоким уважением относимся к каждому слову нашего великого друга, в его отзыве на «Хорошую жизнь» — частном факте советского искусства — нельзя не увидеть отражения той общей большой симпатии и интереса, который Роллан испытывает к каждому слову нашей стране.

Так вот предположим, что мы о «Хорошей жизни» ничего не читали, а просто пришли посмотреть драматургический дебют критика, который написал много, притом почти исключительно статей о пьесах других, а теперь написал пьесу сам. Что мы увидели и что об увиденном хочется сказать?

Мы увидели, что Амаглобели имеет право писать пьесы; что он не впадает «не за свое дело».

Дело не только в том, что он умеет «принимать» действующих лиц и наделить их индивидуальными характеристиками, но он умеет сопереживать своим творческим персонажам, чувством художника, чувством, сила

которого заражает зрителя и заставляет его вместе с Амаглобели «дружить» с героями «Хорошей жизни». Самое же важное, что у Амаглобели есть своя, творчески реализованная драматургическая тема — тема со-
Рис. А. Шабад

Мартын Про — арт. Антонов.

циального оптимизма, хорошей радостной жизни, тема любви в советском человеке. Эта тема и дает Амаглобели «путевку в театр», право на творчество, ибо писатель без своей темы — не писатель, а лишь ремесленник. Зритель отлично знает это, и потому «Хорошая жизнь» Амаглобели имеет успех больший, чем некоторые другие, более мастерские, но холодноватые пьесы известных авторов.

У «Хорошей жизни» есть и другие данные для жизни спешившей. Автор знает законы сцены и сценического действия, у него неплохой язык и темный юмор.

Все это радует. А вот что печалит...

У «Хорошей жизни» очень много восторга, но... мало мысли. Герои пьесы, большинство их, очень хорошие, симпатичные люди, но они по-

чему-то... не хотят думать. А ведь, честное слово, это же вредное занятие! Мы слышали от них, что они выступают против приспособленцев и вульгаризаторов, мечтают и забываются и даже решают все-какие проблемы, но для всего этого не требуется особого напряжения ума ни от действующих лиц пьесы, ни от зрителя... потому что эти проблемы решены и для героев пьесы, и для зрителя задолго до того, как оторвался занавес. Другие мысли, другие проблемы волнуют сейчас людей искусства, о которых написана пьеса, она идет мимо них.

Да и вообще в «Хорошей жизни» борются играя, «нарочно» с какими-то очень слабыми закулишными противниками. И потому борьба отходит на задний план, а на первом оказывается хорошая жизнь как таковая, вообще — плюс некая сценическая интрига, о которой ниже.

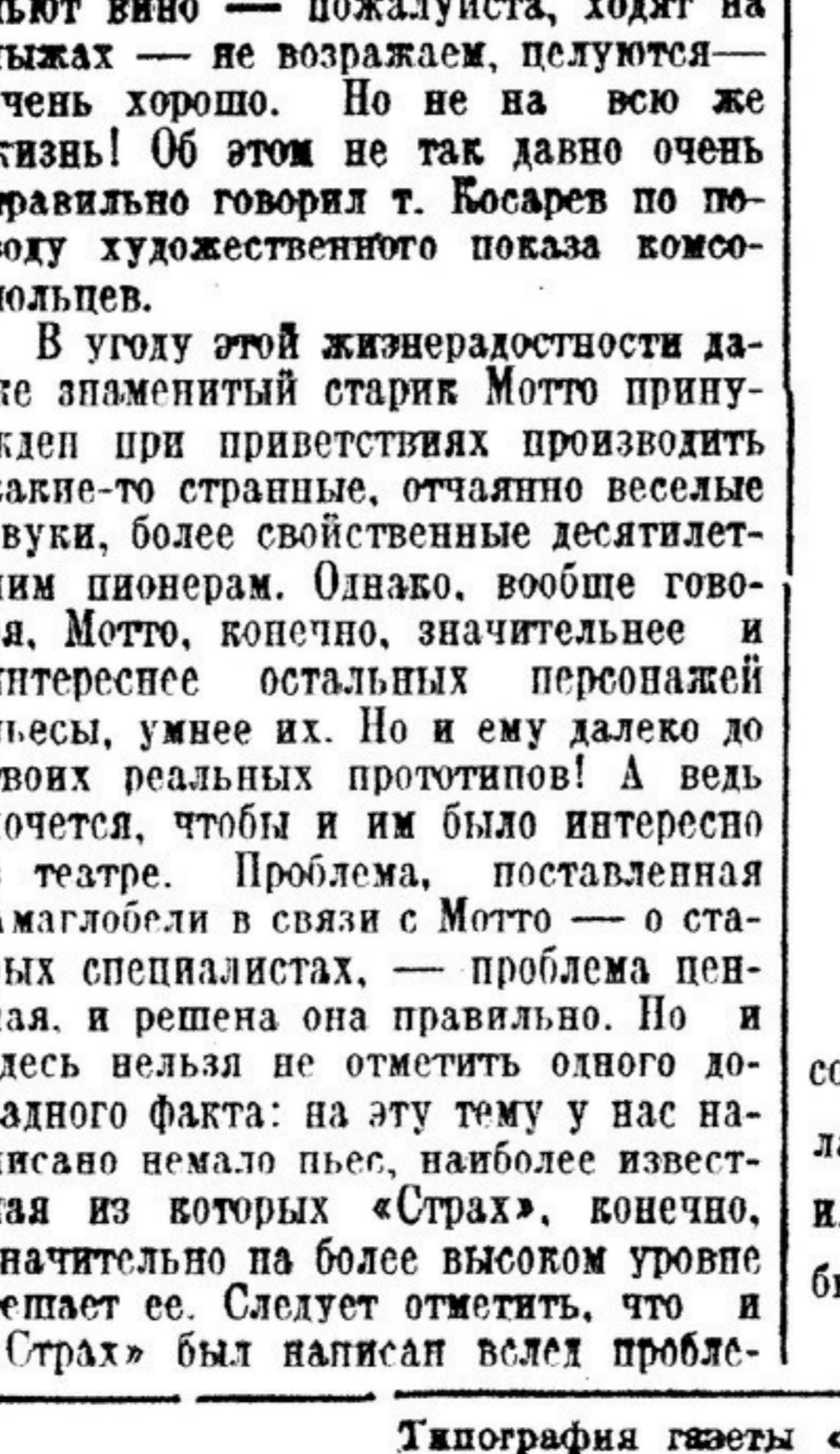
Излишняя восторженность и живорожденность видят явно в ущерб внутренней содержательности героев пьесы, потому что они не подкреплены их общественными интересами. Они шьют вино — пожалуй, ходят на лыжах — не возражая, плещутся — очень хорошо. Но не на всю же жизнь! Об этом не так давно очень правильно говорил т. Косарев по поводу художественного показа комсомолец.

В угоду этой живорожденности даже знаменитый старик Мотто принужден при приветствиях произносить какие-то странные, отчаянно веселые звуки, более свойственные десятилетним пионерам. Однако, все же говоря, Мотто, конечно, значительно и интереснее остальных персонажей пьесы, умнее их. Но и ему далеко до своих реальных прототипов! А ведь хочется, чтобы и им было интересно в театре. Проблема, поставленная Амаглобели в связи с Мотто — о старых специалистах, — проблема пенная, и решена она правильно. Но и здесь нельзя не отметить одного факта: на эту тему у нас написано немало пьес, наиболее известная из которых «Страх», конечно, значительно на более высоком уровне решается ее. Следует отметить, что и «Страх» был написан вслепую про-

ме, а не в предвидении ее. Что же сказать о «Хорошей жизни»?

Но что более всего печалит в «Хорошей жизни», так это история с чужим ребенком, то бишь с минимым оборотом. Право, здесь нельзя не огорчиться! Так это родственно друг другу, а главное, десяткам аналогичных ситуаций в заслуженных волевыми многих десятилетиях. И, самое главное, эта-то ситуация и двигает сценическую интригу, — вот что совсем плохо в «Хорошей жизни». Не достаточно ли чужих детей, товарищи!

Амаглобели доказал свое право на драматургическое творчество. Теперь это право нужно реализовать такой пьесой, которая, не отступая от темы

«Водопровод» — арт. Сальников

социального оптимизма, не нуждались бы в традиционной интриге и, не теряя жизнеспособности, была бы более содержательной и умной.

ЗРИТЕЛЬ.

Рис. А. Шабад

социального оптимизма, не нуждались бы в традиционной интриге и, не теряя жизнеспособности, была бы более содержательной и умной.

ЗРИТЕЛЬ.